УДК 81.38'42

DOI 10.23951/1609-624X-2020-4-174-182

КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА: СМЫСЛОВОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Н. С. Болотнова

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Проблема интерпретации текста является одной из наиболее актуальных в современной филологии вообще и стилистике текста в частности. В этом плане представляет особый интерес исследование интерпретационной деятельности читателей на основе экспериментов, позволяющих судить о механизме смыслового развертывания текста в сознании адресата.

Цель статьи – выявление некоторых важных для интерпретационной деятельности коллективного адресата (читателя) закономерностей на основе методологии коммуникативной стилистики текста и разрабатываемой в рамках данного направления теории его смыслового развертывания.

Методика исследования. В соответствии с принятой в коммуникативной стилистике текста методологической базой использованы контекстологический и семантико-стилистический анализ, прием моделирования ассоциативного поля ключевого слова и экспериментальная методика. Она включает свободный ассоциативный эксперимент, а также рецептивный эксперимент и эксперимент по модифицированной методике шкалирования Ч. Осгуда для определения силы воздействия текста на коллективного адресата.

Результаты и обсуждение. Исследование проведено на основе данных экспериментов по восприятию читателями стихотворения О. Э. Мандельштама «Дождик ласковый, мелкий и тонкий...» с опорой на теорию смыслового развертывания текста, разработанную в коммуникативной стилистике, реализующей коммуникативно-деятельностный подход к тексту. Теория смыслового развертывания текста включает исследование его лексической структуры, выявление текстовых смысловых парадигм разных типов, их взаимосвязи, анализ регулятивных средств и структур, текстового ассоциативного поля ключевого слова в сравнении с ассоциативным полем данного слова, выявленным в свободном ассоциативном эксперименте. Установлена зависимость смыслового развертывания поэтического текста от его лексической структуры дедуктивного типа и использованных автором регулятивных средств и структур; атрибутивов как регулятивной доминанты текста и контраста как основного способа регулятивности. На основе экспериментальной методики выявлена связь интерпретационной деятельности читателей (информантов) с лингвистическим и экстралингвистическим аспектами прагматического уровня текста и его подуровней: образного, эмоционального, идейного. Экспериментальные данные подтвердили связь прагматического уровня текста с информативно-смысловым уровнем. Определены факторы, влияющие на адекватную интерпретационную деятельность читателей: опора автора текста на типовые ассоциации, стимулированные ключевым словом, роль лексической регулятивности в управлении познавательной деятельностью адресата поэтического текста для выявления его глубинного смысла.

Заключение. Предложенный подход к изучению интерпретационной деятельности читателя поэтического текста на основе его смыслового развертывания показал, что использование экспериментальной методики, основанной на опросе информантов, позволяет судить о некоторых закономерностях и механизмах воздействия текста и его элементов на формирование общей оценки и представления о содержании текста у читателей: роли их информационного тезауруса, способности воспринимать не только поверхностный, но и глубинный смысл. Выявлена зависимость процесса восприятия поэтического текста от его особенностей: общей регулятивной стратегии автора (эксплицитной и имплицитной) и использованных им регулятивных средств и структур, способа регулятивности.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, теория смыслового развертывания текста, поэтический текст, интерпретация, лексическая регулятивность, эксперимент.

Введение

Интерпретация текста принадлежит к ключевым проблемам филологии [1–5 и др.]. Это связано с особой значимостью проблемы понимания в процессе общения людей в разных сферах коммуникации, которая осуществляется на основе первичной и вторичной коммуникативной деятельности, т. е. создания, восприятия и интерпретации текста. Возможны разные подходы к смысловому восприятию речевых сообщений. Известны, например, концепции А. А. Брудного [6–7], И. А. Зимней [8],

О. Л. Каменской [9]. Ученые дифференцируют различные этапы смыслового восприятия речевых сообщений (текстов): мотивационный, формирующий и реализующий (И. А. Зимняя), выделение элементов, их переосмысление и переструктурирование и последующий монтаж (А. А. Брудный), построение С-моделей, отражающих индивидуальные представления человека о воплощенной в тексте действительности (О. Л. Каменская).

Очевидно, что разные подходы к проблеме восприятия и понимания текста дополняют друг друга

и обусловлены как сложностью и многоаспектностью самой проблемы, так и многоплановостью текста как объекта восприятия. При этом особенно важным является коммуникативно-деятельностный подход, отражающий диалог автора и адресата. Процесс интерпретации рассматривается нами как «отражение отражения», так как текст является результатом речемыслительной деятельности автора, отражающего окружающий мир, и стимулом к созданию вторичного текста как итога интерпретирующей деятельности адресата, воспринимающего текст. Данный подход характерен для коммуникативной стилистики текста как научного направления, в рамках которого разрабатываются связанные между собой теории: регулятивности текста, текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста [10–13].

Смысловое развертывание текста определяется нами как «динамика представления в нем лингвистически выраженного фрагмента концептуальной картины мира автора, отражающегося в сознании адресата и формирующего представление о содержательном плане текста» [11, с. 188]. Смысловое развертывание текста связано с понятием «смысловая структура текста», которое трактуется как структура «лингвистически репрезентированных смысловых признаков различных реалий разного ранга и масштаба, воплощенных в тексте и коррелирующих с миром действительности» [11, с. 186]. Например, Л. С. Выготский, анализируя семантическую организацию внутренней речи, отмечал: «Смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют» [14, с. 350].

Представляется, что данный «закон» соединения смыслов происходит на основе регулятивной макроструктуры текста, отражающей его целевую программу и «управляющей» познавательной деятельностью адресата на основе стимулирования его ассоциативной деятельности. Интерпретация предполагает речемыслительные действия адресата, включая анализ и синтез воспринимаемых им элементов текстовой организации, формирование реакции на эти элементы с опорой на имеющийся коллективный и индивидуальный опыт, информационный тезаурус. Важно и наличие мотивации к эмоциональному и интеллектуальному отклику на текст-стимул, особенно при восприятии поэтического текста, для которого характерны образность, эстетическая функция, многозначность, «мерцание» смысла и связанная с этим вариативность понимания. Интерпретацию В. З. Демьянков определяет как «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [2, с. 31].

Целью данной статьи является выявление некоторых важных для интерпретационной деятельности коллективного адресата (читателя) закономерностей на основе методологии коммуникативной стилистики текста и разрабатываемой в рамках данного направления теории его смыслового развертывания.

Материал и методы

В соответствии с методологической базой коммуникативной стилистики текста (см. об этом: [11, с. 279–280; 12, с. 62–72]), изучение смыслового развертывания текста осуществляется не только с опорой на традиционные методы лингвистического анализа, включая контекстологический и семантико-стилистический анализ, но и на экспериментальную методику, основанную на опросе информантов, позволяющую судить о том, как текст и его элементы влияют на процесс восприятия и интерпретации читателя, каков коммуникативный эффект.

В эксперименте участвовали 40 информантов – студентов 1–4-го курсов историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета. В качестве объекта восприятия и интерпретации был взят поэтический текст О. Э. Мандельштама «Дождик ласковый, мелкий и тонкий...» (1911), относящийся к раннему периоду творчества автора. Выбор данного произведения обусловлен не только его несомненными художественными достоинствами, но и возможностью выявлять на основе ярких регулятивных средств и структур как поверхностный, так и глубокий смысл стихотворения, а также особенности его смыслового развертывания в процессе интерпретационной деятельности читателей (информантов).

*Дождик ласковый, мелкий и тонкий,
Осторожный, колючий, слепой,
Капли строгие скупы и звонки,
И отточен их звук тишиной.*

*То – так счастливы счастьем скромным,
Что упасть на стекло удалось;
То, как будто подхвачена темным
Ветром, струя уносится вкось.*

*Тайный ропот, мольба о прощеньи;
Я люблю непонятный язык!
И сольются в одном ощущеньи
Вся жестокость, вся кротость на миг.*

*В цепких лапах у царственной скуки
Сердце сжалось, как маленький мяч:
Полон музыки, Музы и муки
Жизни тающей сладостный плач!*

Лексическая структура данного текста имеет дедуктивный характер. Две последние строчки стихотворения фокусируют его эстетический смысл и актуализируют разные грани концепта *жизнь* и его связь с концептом *смерть*, давая ключ к разгадке глубинного смысла произведения на основе использованных автором различных регулятивных средств, структур и контраста как особого способа регулятивности.

Теория смыслового развертывания текста, разрабатываемая в коммуникативной стилистике, связана с теорией текстовых ассоциаций и теорией регулятивности. Под регулятивностью как системным качеством текста понимается его способность управлять познавательной деятельностью адресата [15]. Доминантой регулятивности поэтического текста О. Э. Мандельштама (т. е. преобладающими регулятивными средствами, управляющими познавательной деятельностью читателя) являются 18 атрибутивов (*ласковый, мелкий и тонкий, осторожный, колючий, слепой* и др.), раскрывающих, уточняющих, акцентирующих важные особенности дождика и дождевых капель как объектов описания с точки зрения поверхностного смыслового уровня текста.

Отметим, что художественно-образная конкретизация данных реалий поэтического мира стихотворения включает систему средств, персонифицирующих ключевые образы благодаря развернутой метафоризации (*дождик осторожный, капли строгие, счастливы счастьем скромным, темный ветер* и т. д.).

Основным способом регулятивности, т. е. главным принципом организации текста, является контраст, который реализуется благодаря смысловым текстовым парадигмам антонимического типа (*звук – тишина, ласковый – колючий, жестокость – кротость, музыка, Муза – мука*), а также регулятивным структурам, репрезентированным индивидуально-авторскими оксюморонными сочетаниями (*жизнь – тающая, царственная – скука, ропот – мольба*).

Среди смысловых текстовых парадигм, формирующихся в сознании воспринимающего данный текст субъекта на основе различных связанных с данным текстом ассоциаций (референтных, языковых, ситуативных, тематических), выделяются разные типы (см. о смысловых лексических парадигмах [16–18] и др.). Лексическая структура текста, стимулирующая его смысловое развертывание, включает данные текстовые парадигмы как микро-структуры, объединенные концептуально авторским замыслом на основе общих смысловых, формальных, формально-смысловых признаков. Как «коммуникативно ориентированная на адресата, концептуально обусловленная ассоциативно-се-

мантическая сеть, отражающая различные связи и отношения словных и неоднословных единиц лексического уровня» [11, с. 84], лексическая структура текста исключительно значима для интерпретационной деятельности читателя.

В рассматриваемом стихотворении автор умело использует не только текстовые парадигмы антонимического типа, но и референтную парадигму (*дождик – капли – струя*); парадигму синонимического типа (*мелкий – тонкий – слепой*); тематическую парадигму (*звонки – звук – плач – музыка – непонятный язык*), объединяя смысловые признаки описываемой реалии поэтического мира по типу дополнения, усиления и контраста и формируя информативно-смысловой уровень текстовой организации, связанный с его прагматическим уровнем.

Несомненным регулятивным эффектом в анализируемом поэтическом тексте обладают такие регулятивные структуры, как сравнение, характеризующее лирического героя (*Сердце сжалось, как маленький мяч*), и синтаксический параллелизм, образно конкретизирующий описываемый объект и формирующий особую эмоциональную тональность фрагмента (*То – так счастливы счастьем скромным, / Что упасть на стекло удалось; / То, как будто подхвачена темным / Ветром, струя уносится вкось...*).

В целом рассматриваемый текст обладает сильной регулятивностью и является интересным объектом для анализа интерпретационной деятельности читателей.

Сравнение результатов свободного ассоциативного эксперимента на восприятие ключевого слова «дождик» с текстовым ассоциативным полем данного слова, формирующимся с учетом элементов лексической структуры текста, о которых говорилось выше, показал лишь частичное совпадение реакций информантов с текстовыми ассоциатами. Вполне очевидно наличие индивидуально-авторской интерпретации в осмыслении данной реалии поэтического мира, судя по текстовым ассоциатам-элементам лексической структуры анализируемого текста.

Приведем полученные нами данные свободного ассоциативного эксперимента. В «Русском ассоциативном словаре» это слово отсутствует, но есть слово *дождь*, среди реакций на которое, исключая единичные ответы, отмечены: *идет 15, сильный 12, осень, снег 6, грибной 5, мокро, мокрый, проливной 4, лужи, мелкий, прошел 3, как из ведра, льет 2* [19, с. 172–173]).

В проведенном нами ассоциативном эксперименте участвовали 40 информантов. Получено 109 реакций: *свежесть 9, мокро 8, лето 5, слякоть 5, лужи 5, ливень 3, сырость 3, осень 3, зонтик 3, капли 3, серый (серо, серое) 3, солнце (солнышко) 2,*

светло 2, радуга 2, мокрота 2, природа 2, радость 2, грусть 2, настроение, тихий, сильный, теплый, ласковый, шумный, сыро, закат, мнительность, Кафка, прекрасно, грязь, хмурая погода, туман, кап-кап, запах асфальта, весна, асфальт, свобода, дышать, бежать по лужам, противно, чай, болезнь, влага, плащ, светло, влажный воздух, прыжок, мокрая одежда, сезон, грибной, молния, гром, сапоги, свежий воздух, теплая вода, мокрая трава, жизнь, украшение на елку, вода, босиком, тепло, подоконник.

Единичная в свободном ассоциативном эксперименте реакция *жизнь* в поэтическом тексте стала ключевым номинатом главного концепта, репрезентированного в стихотворении О. Э. Мандельштама и отражающего идею произведения, судя по результатам рецептивных экспериментов, о которых далее пойдет речь. Среди совпадающих слов-реакций в лексической структуре текста и свободном ассоциативном эксперименте можно назвать лишь четыре: *ласковый, тихий, слепой, капли*. Именно они выполняют формирующую и стимулирующую функции в процессе первичного восприятия текста, влияя на формирование его эмоциональной тональности, создавая «контактные точки» в общении автора и читателя. Вместе с тем для постижения глубинного смысла текста, связанного с пониманием образа лирического героя и идеи стихотворения, более значимыми оказались другие использованные автором средства и способы регулятивности, о которых говорилось выше.

Результаты и обсуждение

Проведенный нами эксперимент позволяет сделать ряд выводов, касающихся особенностей смыслового развертывания рассматриваемого стихотворения в процессе его восприятия и интерпретации коллективным адресатом.

Опираясь на концепцию уровневой структуры текста, разработанную в коммуникативной стилистике, в рамках которой выделяются информативно-смысловой и прагматический уровни и соответствующие им подуровни, отражающие разные аспекты текста как сложной системы, включающие предметно-логический, тематический, сюжетно-композиционный подуровни информативно-смыслового уровня и образный, эмоциональный, идейный подуровни прагматического уровня [16], были предложены вопросы и задания, ориентированные на изучение воздействия текста на читателей с преимущественным вниманием к прагматическому уровню, который тесно связан с информативно-смысловым уровнем и его подуровнями. Не случайно в ответах информантов содержались ссылки на разные подуровни не только прагматического

уровня, но и информативно-смыслового. Обратимся к результатам эксперимента.

1. По методике шкалирования Ч. Осгуда участникам эксперимента предлагалось оценить силу воздействия поэтического текста О. Э. Мандельштама по пятибалльной шкале и аргументировать ответ.

Установлено, что в среднем сила воздействия поэтического текста достаточно высокая и составляет 4,2 балла (общее количество баллов 40 участников эксперимента делилось на количество полученных ответов). Отметим, какие качества поэтического текста сыграли особую роль в высокой оценке его воздействия на коллективного адресата (на ее долю приходится 68 % всех ответов).

Главным образом информантами отмечалась важная роль использованных автором языковых средств, отражающих художественные достоинства поэтического текста (30 % ответов). Ср. примеры аргументов, связанных с этим: *«Так как используется много прилагательных, существительных, воздействующих на сознание: колючий, жестокость, муки и др.»*; *«Сила воздействия зависит от эпитетов (осторожный, колючий, слепой), восклицаний (Я люблю непонятный язык!)»*; *«Лексически – 5, стилистически и фонетически – 4»*; *«Благодаря красочности, выразительным средствам, текст воздействует на нас»*; *«С помощью разных эпитетов создается четкое представление картины в стихотворении»*; *«Множество прилагательных, описывающих дождь, создают ощущение, будто ты под ним находишься. Кажется, ты сидишь в тишине и слушаешь, как капли дождя бьют по стеклу»* и т. д.

Наряду с этим в ответах участников отмечалась способность текста вызывать наглядные образы и представления, включая формирование зрительной и звуковой картины мира (25 % ответов): *«При прочтении возникает ощущение, что стоишь под этим дождевиком. Закрыв глаза, можно представить мысленно все детали»*; *«Вызывает в сознании образ дождя. Ласковый, летний дождик»*; *«Стихотворение создает яркий образ дождя в воображении. Сразу представляется этот дождь, который то скромно бьет по стеклу, то становится колючим»*; *«Красиво и звучно»*; *«Вызывает определенные визуальные образы, связанные с воспоминаниями, звуки, ощущения»*; *«Стихотворение наполнено точными звуками и красками, которые тонко воздействуют на чувства»* и др.

Информантами особо подчеркивалась способность текста вызывать определенные эмоции (13 % ответов): *«Сразу начинаешь задумываться о своем»*; *«Автор стихотворения вызвал у меня сильные эмоции. Хочется перечитывать это стихотворение много раз»*; *«После прочтения текста переживаешь эмоции, которые напрямую зависят*

от строф стихотворения»; «Возможно, моя такая оценка из-за определенного состояния, внешних факторов» и др.

32 % ответов содержат в основном среднюю оценку (3 балла) и единично низкую оценку. Судя по аргументам, не все читатели смогли в полной мере понять и оценить языковые особенности и содержание стихотворения («Непонятно»; «Не сразу воспринимается»; «Все обыденно»; «Стихотворение скучно, похоже на считалочку»).

2. Эмоциональная реакция информантов после восприятия стихотворения также варьируется. Предлагалось ответить на вопросы о том, какие эмоции вызывает стихотворение и почему.

По признанию участников эксперимента, поэтический текст чаще всего вызывает:

– **грусть** (30 % ответов): «Настроение грусти, хочется задуматься о собственной жизни, поплакать»; «Грусть, начинаешь перебирать свои чувства и проблемы»; «Грусть, потому что в конце стихотворения такие слова, как „сердце сжалось“, „жизни тающей сладостный плач“» и т. д., иногда это **чувство легкой и светлой грусти** («Стихотворение вызывает светлую грусть, ностальгию, почему-то во время прочтения мне вспомнились моменты из моего прошлого» и др.);

– **тоску** (20 % ответов): «Сам по себе дождик вызывает образы хмурой погоды, плача, тоски»; «Печаль, тоска: сладостный плач; и сольются в одном ощущении вся жестокость, вся кротость на миг»; «задумчивость, тоска, так как звуки дождя, скука героя, уходящая бессмысленно жизнь»;

– **спокойствие, умиротворенность** (15 % ответов): «Успокаивает»; «Спокойствие, умиротворение из-за того, что „тихо“ идет дождь»; «Чувство умиротворенности, какого-то спокойствия, уюта»; «Спокойствие, расслабление, умиротворенность» и др.;

– **смешанные чувства** (20 % ответов): «Смешанные чувства: то приятное ощущение какой-то легкости, то чувство неприятное, особенно последняя строчка о „сладостном плаче“, как-то красиво-печально»; «Грусть и счастье. Начинаешь задумываться о том, что наше счастье напрямую зависит от внешних факторов, а не от нас самих»; «Вызывает неоднозначное впечатление, а отсюда и эмоции. Это вроде бы и сладостное успокоение, и в то же время внутреннее напряжение»; «Радость сменяется печалью» и др.

Указания в ответах на позитивные эмоции немногочисленны (8 % ответов):

– **радость** «Эмоция радости. Кажется, будто я пережила бурю, вот меня отпускают. Чувствуется свобода, легкость, слияние с падающим дождем»; «Эмоциональная тональность строится на оппозиции радость и грусть»; «Радостная грусть»;

– **восторг** «Вдохновение и восторг: образы вызывают у меня ассоциации с весной, началом чего-то нового и светлого».

В некоторых ответах отмечается **динамика эмоционального состояния** читателей по мере знакомства с текстом стихотворения (7 % ответов): «Сначала стихотворение вызывает тоскливое чувство, когда речь идет о дожде, но когда начинается повествование о языке, то дождь начинает ассоциироваться с плачем о жизни, и чувство тоски сменяется на восторженное»; «Неопределенные: то печальные за счет слов плач, скука, но благодаря таким словам, как ласковый, счастливы, люблю, наоборот, появляется радостное чувство»; «Радость сменяется печалью».

3. Впечатления информантов о лирическом герое стихотворения оказались разнообразными. Предлагалось охарактеризовать его.

По мнению большинства участников эксперимента, это постоянно **меняющийся персонаж** (25 % ответов): «Лирический герой, подобно каплям дождя, испытывает различные эмоции: то он счастлив, то, наоборот, „уносится вкось“»; «Его образ переменчив, подобно дождю»; «Видит свою жизнь в образе дождика, ее отражение. Видит и хорошее, и плохое в том, что жизнь уходит»; «Неоднозначный персонаж, постоянно меняющийся»; «Разный в зависимости от того, что происходит вокруг»; «Он не статичный».

Он обладает такими качествами, как:

– **наблюдательность, любовь к познанию окружающего мира, внимательность** (20 % ответов): «Задумчивый, наблюдательный, восторженный»; «Тонкий наблюдатель, разносторонний»; «Внимательный, глубоко чувствующий человек»; «Любящий познавать что-то»; «Задумчивый лирический герой», «Лирический герой тонкой душевной организации, любит сложные жизненные ситуации»;

– **художественное восприятие мира** (5 % ответов): «Лирический герой испытывает чувства и мысли художника. Как писатель и человек, он ассоциативно связывает душевную жизнь человека с природой»; «Он любит окружающий его мир, может видеть и слышать то, что не могут другие»;

– **романтичность, внутренняя сосредоточенность** (20 % ответов): «Возвышенный образ», «Романтик, восхищенный унылым дождливым вечером, влюбленный в прерванную дождем тишину»; «Я представляю себе романтическую личность, которая, наблюдая за каплями дождя, создает свои образы, ему нравится думать и рассуждать»; «Герой счастлив кратким мигом, находит вдохновение в музыке»;

– **эмоциональность, экспрессивность** (15 % ответов): «Очень эмоциональный, на пике своих

ощущений»; «Восхищен природными явлениями, язык природы вызывает у него бурю эмоций», «Эмоционален, экспрессивен» и др.

Среди 15 % единичных ответов отмечаются такие качества лирического героя, как:

– **кротость, ранимость**: «Лирический герой кроток, раним»;

– **внутренняя красота**: «Лирический герой необычайно красив»;

– **страдание**: «Ему больно, хочет остаться один. Дождь для него – это вдохновение»; «Лирический герой от чего-то страдает, пытается в чем-то разобраться»; «Возможно, страдающий и испытывающий наслаждение от этого»;

– **таинственность, неоднозначность**: «Таинственный, непонятный, с развитым воображением»; «Герой таинственный, у него развито воображение»;

– **оптимизм**: «Оптимист, умеет радоваться мелочам, любит жизнь, принимает ее со всеми ее недостатками».

4. Идея художественного произведения была определена не всеми участниками эксперимента (два человека испытали затруднения). Вместе с тем подавляющая часть информантов адекватно интерпретировала глубинный смысл стихотворения.

В основном в осмыслении и формулировании идеи поэтического текста преобладают ответы, связанные с концептом *жизнь*, включая разные аспекты данного феномена (70 %). Это отражает способность читателей понять глубинный смысл стихотворения. В ответах информантов проводится общая параллель жизни с дождем: «Жизнь сравнивается с дождем, где все люди капли, кто-то может удачно оказаться в нужном месте, кто-то будет унесен, кто-то постоянно в движении»; «Сравнение безмятежно падающих капель дождя с капающим временем жизни»; «Дождь как природное явление и как язык жизни»; «Считаю, что идея – утекающая жизнь. Она проходит то счастливо, то нет. Жизнь – словно дождик, медленно и тихо проходит у каждого, хотя может быть и „звонкой“»; «Автор проводит параллель своей жизни с каплями дождя, которые или падают на стекло, или развеваются по ветру, страдают»; «Сравнение жизни с дождем» и др.

В некоторых ответах не просто отмечается связь с концептом *жизнь*, но и актуализируются определенные признаки этого концепта, явно или косвенно стимулированные лексической регулятивностью данного текста:

– **противоречивость**: «Жизнь как борьба и душевная мука, радость и печаль»; «Жизнь человека. Взлеты и падения, чувство радости, вдохновения в жизни человека сменяются чем-то печальным, различными препятствиями на пути»; «Жизнь объеди-

няет в себе множество факторов разного характера: как положительного, так и отрицательного»; «Во время дождя хорошо думается о жизни»; «Разнообразие, полнота жизни: „Полон музыки, Музы и муки жизни тающей сладостный плач“»; «Жизнь разнообразна, полна и жестокости, и кротости, и музыки, и муки, но жизнь проходит»; «Показать две противоположности, одна из которых, в ее множестве, составляет другую»; «Переменчивость жизни»; «Непостоянство жизни»;

– **сложность жизни, ее многообразие**: «Жизнь многообразна»; «В минуты грусти, печали вспоминаются все трудности жизни сразу»; «Идея о непонимании и сложности жизни»;

– **краткость**: «Мысль о том, что ничто не вечно»; «Жизнь человека так же коротка, как жизнь дождевых капель».

Наряду с этим в интерпретации идеи стихотворения имеются суждения, связанные с восприятием отраженного в тексте эмоционального состояния человека: **отражение душевного переживания человека (лирического героя)** (25 % ответов): «Образ дождя как отражение душевного состояния лирического героя (2 последние строчки стиха)»; «Возможно, это передача ощущений»; «Идея – показать человеческие переживания через образ дождя и капель»; «Я думаю, что дождик здесь олицетворяет человека с его внутренним миром и чувствами, то тихими, то осторожными, колючими, жестокими. Жизнь наша тоже полна „и музыки, и муки“»; «Автор проводит параллель между природными явлениями и чувствами человека, тем самым усиливая воздействие на читателя, порождая образы в сознании читателя»; «Возможно, автор хочет показать свои чувства, то, что у него в душе»; «Передать адресату воздействие природного явления на психику» и др.

Ответы другого плана единичны (5 %): **отражение идеи свободы**; **показать, каким бывает человек**; **о надежде человека на лучшее время**.

Заключение

Подведем итоги. На основе экспериментальной методики выявлена связь интерпретационной деятельности читателей (информантов) с лингвистическим и экстралингвистическим аспектами осмысления прагматического уровня текста и его подуровней: образного, эмоционального, идейного.

Лексическая структура текста дедуктивного типа, включая связь различных текстовых лексических парадигм, стимулировала формирование у читателей представления о глубинном смысле стихотворения О. Э. Мандельштама, раскрывающем разные грани культурного концепта *жизнь*: ее противоречивости, сложности, многообразии проявлений, краткости, а также связи

с концептом *смерть* благодаря контрасту как основному способу лексической регулятивности данного текста.

Экстралингвистический аспект смыслового развертывания стихотворения в процессе интерпретационной деятельности читателей, связанный с текстовыми ассоциациями, стимулированными языковыми средствами, использованными автором текста, получил отражение в разных реакциях информантов (в характеристике лирического героя, в описаниях собственных эмоциональных реакций на текст, в аргументации силы воздействия на основе методики шкалирования, в обобщении идеи произведения). При этом, наряду с преобладанием в целом совпадающих общих реакций на текст, иногда наблюдаются индивидуальные реакции в

силу разного информационного тезауруса и психологических особенностей информантов. Общность реакций можно объяснить однородной с точки зрения использованных регулятивных средств и эксплицитной регулятивной стратегией текстового развертывания.

В целом экспериментальные данные подтвердили связь прагматического уровня текста с его информативно-смысловым уровнем. Определены факторы, влияющие на адекватную интерпретационную деятельность читателей: опора автора текста на типовые ассоциации, стимулированные ключевым словом, роль лексической регулятивности в управлении познавательной деятельностью адресата поэтического текста для выявления его глубинного смысла.

Список литературы

1. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
2. Демьянков В. З. Интерпретация // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 31–33.
3. Васильева В. В. Интерпретация как взаимодействие человека и текста // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998. С. 196–214.
4. Залевская А. А. Специфика интегративного подхода к пониманию текста // Языковое бытие человека и этноса. Москва; Барнаул, 2003. Вып. 6. С. 93–101.
5. Boldyrev N. N. Problems of verbal communication in cognitive aspect // Questions of cognitive linguistics. 2017. № 2. P. 5–14.
6. Брудный А. А. К анализу процесса понимания текстов // Знак и общество. Фрунзе, 1974. С. 3–6.
7. Брудный А. А. К проблеме понимания текста // Исследование речемыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974. С. 80–86.
8. Зимняя И. А. Психологическая схема смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976. С. 5–33.
9. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1992. 152 с.
10. Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001. 331 с.
11. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
12. Болотнова Н. С., Васильева А. А. Коммуникативная стилистика текста: библиографический словарь по научному направлению. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. 188 с.
13. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, Е. А. Бакланова и др.; под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. 492 с.
14. Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1996. 415 с.
15. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М., 1987. 140 с.
16. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. 312 с.
17. Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: Изд-во ТГПУ, 1994. 212 с.
18. Пушкарева И. А. Смысловые лексические парадигмы в лирике М. И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999. 22 с.
19. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. М., 2002. 784 с.

Болотнова Нина Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и стилистики, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: nsb@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 27.04.2020.

COMMUNICATIVE STYLISTICS OF TEXT: NOTIONAL EXPLICATION OF POETIC TEXT AND ITS INTERPRETATION

N. S. Bolotnova

Introduction. Text interpretation problem is one of the most topical in up-to-date philology generally and in stylistics of text in particular. In this way the research of readers' interpretative activity on the basis of experiments is of special interest, because it allows to judge steps of notional text explication in the addressee's consciousness.

The purpose of the article is to identify some patterns that are important for the interpretation activity of the collective addressee (reader) based on the methods of communicative stylistics of the text and its notional explication theory, developed in the context of this trend.

Material and methods. Under the methodological base of communicative stylistics of text context and semantic-stylistic analysis, a method of associative field of a key word's modelling and experimental methodology are used in the article. It includes spare associative experiment as well as receptive experiment and modified methods of scaling by Ch. Osgud for detecting power of influence on collective addressee.

Results and discussion. The research is done on the basis of experimental data on the reader's perception of a verse "Light rain is tender, thin and delicate..." by O. E. Mandel'shtam with the use of the semantic explication theory, which is developed in the communicative stylistics of text, that realizes communicative and activity approach to the text. The theory of semantic explication of a text includes its lexical structure research, detecting of text notional paradigms of different types, their correlation, regulative means and structures analysis, textual associative field of a key word analysis versus associative field of this word, which is revealed during a spare associative experiment. Dependence of semantic explication of poetic text on its lexical structure of deductive type and author's regulative means and structures, attributes as regulative text dominants and contrast as the main regulative method is determined in the article.

Connection of interpretative readers activity (informants) with linguistic and extralinguistic aspects of pragmatic text level and its sublevels (figurative, emotional, ideal) is revealed on the basis of experimental methods. Experimental data verified the connection of the pragmatic level of the text with its informative and notional level. The factors that influence the relevant reading activities are identified. These factors are the following: author's support to standard associations, which are stimulated by a key word, the role of lexical regulation in controlling of cognitive addressee's of poetic text activity for revealing its deep sense.

Conclusion. The introduced approach of researching interpretative readers' of poetic text activity on the basis of its notional explication showed that the use of experimental methods with informants' questioning makes it possible to judge about some regularities and steps of text's and its elements' influence on forming of common estimation and idea about text content, that readers have: the role of their informational thesaurus, ability to perceive not only deep, but also superficial sense. Dependence of a process of poetic text perception on its peculiarities – common regulative author's strategy (explicit and implicit) and regulative means and structures and way of regulation – is detected.

Keywords: *communicative stylistics, theory of notional text explication, poetic text, interpretation, lexical regulativity, experiment.*

References

1. Dem'yankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as variety of interpretative approach]. *Voprosy yazykoznaniya – Voprosy Jazykoznaniya (Topics in the study of language)*, 1994, no. 4, pp. 17–33 (in Russian).
2. Dem'yankov V. Z. Interpretatsiya [Interpretation]. In: Kubryakova E. S. (ed.), Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Abridged dictionary of cognitive terms]. Moscow, 1996. Pp. 31–33 (in Russian).
3. Vasil'yeva V. V. Interpretatsiya kak vzaimodeystviye cheloveka i teksta [Interpretation as cooperation of an individual and text]. In: *Tekst: stereotip i tvorchestvo* [Text: stereotype and creation]. Perm, 1998. Pp. 196–214 (in Russian).
4. Zalevskaya A. A. Spetsifika integrativnogo podkhoda k ponimaniyu teksta [Specificity of integrative approach to text understanding]. In: *Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa. Vyp. 6* [The linguistic being of man and ethnos. Issue 6]. Moscow, Barnaul, 2003. Pp. 93–101 (in Russian).
5. Boldyrev N. N. Problems of verbal communication in cognitive aspect. *Questions of cognitive linguistics*, 2017, no. 2, pp. 5–14.
6. Brudnyy A. A. K analizu protsessa ponimaniya tekstov [To analysis of process of text understanding]. In: *Znak i obshchestvo* [Sign and society]. Frunze, 1974. Pp. 3–6 (in Russian).
7. Brudnyy A. A. K probleme ponimaniya teksta [To the problem of text understanding]. In: *Issledovaniye rechemyslitel'noy deyatel'nosti* [The study of speech activity]. Alma-Ata, 1974, P. 80–86 (in Russian).
8. Zimnyaya I. A. Psikhologicheskaya skhema smyslovogo vospriyatiya [The psychological scheme of semantic perception]. In: *Smyslovoye vospriyatiye rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [The semantic perception of speech communication (in conditions of mass communication)]. Moscow, 1976. Pp. 5–33 (in Russian).
9. Kamenskaya O. L. *Tekst i kommunikatsiya* [Text and communication]. Moscow, 1992. 152 p. (in Russian).

10. Bolotnova N. S., Babenko I. I., Vasil'eva A. A. et al. *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta: leksicheskaya struktura i idiosil'* [Communicative stylistics of feature text: lexical structure and idiosyle]. Tomsk, 2001. 331 p. (in Russian).
11. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-teaurus* [Communicative stylistics of text: thesaurus]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009. 384 p. (in Russian).
12. Bolotnova N. S., Vasil'eva A. A. *Kommunikativnaya stilistika teksta: bibliograficheskiy slovar' po nauchnomu napravleniyu* [Communicative stylistics of text: bibliographic dictionary in scientific trend]. Tomsk, TSPU Publ., 2009. 188 p. (in Russian).
13. Bolotnova N. S., Babenko I. I., Baklanova E.A. et al. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regul'yativnost' v tekstovoy deyatel'nosti* [Communicative stylistics of text: lexical regulativity in textual activity]. Ed. N. S. Bolotnova. Tomsk, TSPU Publ., 2011. 492 p. (in Russian).
14. Vygotskiy L. S. *Myshleniye i rech'* [Mentality and speech]. Moscow, 1996. 415 p. (in Russian).
15. Sidorov E. V. *Problemy rechevoy sistemnosti* [Speech system problems]. Moscow, 1987. 140 p. (in Russian).
16. Bolotnova N. S. *Khudozhestvennyy tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyy analiz edinits leksicheskogo urovnya* [Fiction text in communicative aspect and complex analysis of lexical units]. Tomsk, TSU Publ., 1992. 312 p. (in Russian).
17. Bolotnova N. S. *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [Lexical structure of fiction text in associative aspect]. Tomsk, Tomsk TSPU Publ., 1994. 212 p. (in Russian).
18. Pushkareva I. A. *Smyslovye leksicheskiye paradigmy v lirike M. I. Tsvetayevoy*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Notional lexical paradigms in lyrics by M. I. Cvetaeva. Abstract of a thesis of cand. philol. sci.]. Tomsk, 1999. 22 p. (in Russian).
19. Karaulov Yu. N., Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V. et al. *Russkiy assotsiativnyy slovar': v 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktsii* [Russian associative dictionary: in 2 vol. Vol. 1. From stimulus to reaction]. Moscow, 2002. 784 p. (in Russian).

Bolotnova N. S., doctor of philology, professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061). E-mail: nsb@tspu.edu.ru